

МИЛЛИ ВОДОВИЧ

НАСТАСЬЯ
РУГАНИ

перевёл
Тимофей Петухов

Встречное движение

Настасья Ругани

Милли Водович

«Самокат»

2022

Ругани Н.

Милли Водович / Н. Ругани — «Самокат», 2022 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-00167-450-4

Америка, 2000-е. Двенадцатилетняя Милли – дочь боснийских беженцев. Несмотря на то, что она родилась уже в эмиграции, ассимилироваться ей не удаётся: семья живет в районе для пришлой бедноты, и в городе они почти что неприкасаемые и потому достойные всяческих унижений. Кровавая, но полная неожиданной, пронзительной нежности история наших дней сопровождается хтоническими видениями: отрывками детской сказки про Сердцежора. В круговороте ненависти, требующей всё новых бессмысленных жертв, не успевает созреть любовь. Но всё равно она пробивается ростками, и этим роман напоминает историю Ромео и Джульетты. Настасья Ругани – французская писательница. В детстве мечтала стать неврологом, чтобы спасать людей от кошмаров. Но потом поняла, что с кошмарами можно жить, выкладывая их на бумагу. Среди номинаций и премий Ругани – Sésame (2016), Vendredi (2018, 2021) и Sorcières (2019). Именно за «Милли Водович» писательница получила номинацию и приз двух самых престижных подростковых премий Франции – Vendredi и Sorcières.

ISBN 978-5-00167-450-4

© Ругани Н., 2022

© Самокат, 2022

Содержание

1	6
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Настасья Ругани Милли Водович

*Как маленькая девочка, все пыталась найти себе место, куда бы
не вела ни одна улица¹.*

Тони Моррисон, «Любовь»

*«Что бы ни исчезло, наши воспоминания о помидорах и хижинах
под дождем не потускнеют».*

Д. В.

Nastasia Rugani
MILLY VODOVIĆ

Опубликовано при содействии литературного агентства Анастасии Лестер Lester Literary
Agency & Associates

© Gallimard Jeunesse, 2022

© Тимофей Петухов, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

* * *

Настасья Ругани – французская писательница. В детстве мечтала стать неврологом, чтобы спасти людей от кошмаров. Но потом поняла, что с кошмарами можно жить, выкладывая их на бумагу. Среди номинаций и премий Ругани – Sésame (2016), Vendredi (2018, 2021) и Sorcières (2019).

«Мощный и светоносный текст, восхитительная трагедия корней».
Télérama

*«Это юношеский роман редкой силы. Жестокая басня, в которой
границы между реальностью и воображением искусно размываются, обнажая
жестокость мира взрослых».*

Отзыв читателя

1

Секунда, и Сван Купер чувствует, что он могущественнее, чем даже июньское убийственное солнце. Он выкидывает руку с револьвером вперед и выпускает две пули, они ложатся рядом с Алмазом. Грохот разносится по равнине над колоссящими полями и дикими маками. Будь он мечтателем, как его мать, он бы замер на миг, созерцая странную красоту кадра в сепии: лучи заходящего солнца освещают сквозь ветки плакучих ив неподвижную фигуру Алмаза, похожую на болотное пресмыкающееся среди водорослей и грязи. Но Сван Купер – пощечина этому миру, сжатый кулак, как его отец, и он не прогуливается по извилинам сердца. Слишком много там расщелин.

Дуглас схож со своим другом детства. Кости ждут ударов, кожа – вспухших ссадин, синяков и кровоподтеков в мраморных прожилках. Дуглас чувствует, как разогревается механизм, как шестерни боли привычно натягивают нервы. С этой минуты из него вырваны все, даже самые незначительные мысли. Тело теперь – лишь система органов и напряженных жил. Дуглас тушит сигарету двумя пальцами и сует ее за ухо. Он ждет момента, когда пустит в ход костяшки, привычно и нетерпеливо поигрывая серебряной зажигалкой. Он ничего не делает без знака лучшего друга.

Сван Купер вытирает вспотевшую шею, по-прежнему держа пистолет в руке. Он хотел бы навечно врастить его себе в ладонь, так упивается этим чувством: повелевать вселенной; он живет самой жизни. Сван клянется, что с этой минуты будет питаться страхом других. Будет черпать мощь в мякоти врагов. А когда городского отребья ему станет мало, отправится на поиски. Его горечь пересечет моря. Уничтожит все, до самого края света. Нет ничего проще ненависти: ненавидеть самому, вызывать ненависть других. Прощайте, мечты о поварском деле, о ресторанах с мишленовской звездой. Его отец был прав, хоть Свану трудно это признать, даже про себя. Когда скроен для битв, ничто не сравнится с пулей – квинтэссенцией власти. Уйти солдатом, вернуться героем – вот его будущее.

Сван прячет отцовский ствол в задний карман джинсов, но страх Алмаза снова пробуждает в нем хищную дрожь. Свану хочется раздавить его. Но ему хватило бы и мольбы на коленях, или – еще лучше – слез. Представив влагу на щеках жертвы, он расстегивает ширинку и мочится на рюкзак врага, брошенный на краю канавы. Дуглас хохочет и присоединяется к надругательству.

Спрятавшись за дубом, Тарек и Милли следят за всем с отвращением. Шестнадцатилетний Тарек представляет, как Алмаз достает чистыми руками мокрые вещи, объясняет дома, почему все воняет мочой и водорослями. Невообразимый стыд. От одной только мысли жить не хочется.

Но Милли не собирается жалеть старшего брата.

– Зачем быть умным, если позволяешь обращаться с собой как с собакой? – шепчет она сквозь зубы.

Тареку слишком страшно, и он молчит. Но он видит, что взгляд его двоюродной сестренки на Свана Купера сродни приношению кумиру. И тот, стоя гордо и твердо на скользких камнях, годится на эту роль. Милли не раз видела его победоносно белую рубаху на улицах Бёрдтауна. Однако взгляд ее всегда задерживался на Дугласе Адамсе, пришитом к боку Свана парне из костей и сигаретного дыма. Он напоминал ей ведьму Хоне из любимой манги Алмаза; истории о мрачной мстительнице, которая топит врагов в клубах тумана, кишящих ненасытными скелетами. Но сегодня дымный туман вокруг Дугласа не такой плотный, и Милли остро чувствует присутствие Свана Купера.

У Свана лицо отличника, но в глазах дрожит опасный блеск, а тело под стать гладиатору. В нем столько исполинского, непокорного, что Милли вдруг хочется влезть в его кожу, как в

доспех. Сван – пейзаж с буграми и ложбинами из мышц и позолоченной деспотичным небом плоти.

– Уж не реветь ли ты надумал? – бросает Сван, застегивая ширинку.

От этого металлического звука, от фанфар похабной победы, Милли невольно отстраняется от Тарека и выходит из укрытия. Одна.

– Ты спятила? Нас заметят, – шепчет, теряя от страха голову, двоюродный брат.

Может, Милли и правда сходит с ума. Честно говоря, она не знает, куда несут ее ноги. Сила проснулась в ней. Гнев решает за нее, а гнев не идет на попятную. Перчинка упрямо идет вперед на тощих и дрожащих девчоночьих ногах.

– Назад! Ну же! Ты все равно ничего не сможешь сделать, – увещевает Тарек.

«Ты ничего не сможешь сделать» – удар посильнее выходки Свана Купера и его приспешника. Потому что у этой фразы есть продолжение: «Ты ничего не сможешь сделать так же, как Алмаз». Ты не такая одаренная. Не такая вежливая. Не такая... Хватит с нее отрицаний, сравнений. Хватит значить меньше брата. Она оборачивается, проперченная злостью, и пригвождает Тарека самоуверенным взглядом.

– Могу! Я могу все! – выкрикивает она так, чтобы слышала вся планета.

Услышав хрипловатый голос сестры, Алмаз вскакивает на ноги, но замирает. Пускай ему тоже девятнадцать, против Свана Купера он не тянет. Однако Млика – бесстрашная, непредсказуемая. Все может плохо кончиться, тем более что противник вооружен.

Алмаз карабкается вверх по болотистому склону. Ни в какую! Острые края ракушек, притаившихся в грязи, режут пальцы. Кеды скользят. Кажется, что земля на вражеской стороне. Она отбрасывает каждое его движение в тщетной борьбе за остатки достоинства. Природа – не его стихия. Он это знает. Он не такой, как сестра. Ему не забраться в два счета по топкому склону канавы. Руки у Млики – цепкие лапы, ноги – палки, она своя в самой непроходимой чаще. В ней течет не кровь, а древесный сок. В его же венах – только кровь и страх. Алмаз дрожит, вырывает пучками траву, ища опоры. Представляет грязь под ногтями, черную отвратительную каемку, и ему мерзко от собственного поражения. «Я посмешище». Но Алмаз не сдается. Он отгоняет кружащихся вокруг него насекомых, несколько раз чуть не падает навзничь. Дуглас ухахатывается, глядя, до чего же он неуклюжий.

Милли плевать на костлявую ведьму, на братьев, родного и двоюродного. Гнев пожрал их. Он поглотил все, кроме Свана Купера. От его спокойного раскатистого смеха хочется кусать до крови. Сван стоит к ней спиной и аплодирует, любуясь зрелищем. Это уж слишком. Милли срывается не думая. Она бежит, будто Дуглас с братом гонятся за ней по пятам. И со звериным воем вдруг прыгает. Ноги отрываются от земли, тело со всей силы врезается в Свана Купера, и оба они летят вниз на мокрые, острые камни. Под Милли раздается хруст, она откатывается в сторону, замочив бок в илистом ручье. Но вот она уже на ногах, готовая ко всему.

Она смотрит на Свана, плашмя лежащего на гальке. Его розовеющий крепкий затылок похож на выкинутую на берег мертвую форель. Ноги расслаблены. Этот мирно лежащий доспех чужд пейзажу.

Тарек подходит к Алмазу и Дугласу, к грязной кромке канавы. Он мертв? – думают они про себя, но пока не готовы услышать ответ. Потому что никто из них еще не переживал такого кристально ясного мига, в такой чистейшей тишине, – похожего на то, каким они представляют конец, и все, что за ним. Призрачное «не-здесь». Мир как будто замер на кромке вопросительного знака. Время остановилось. Кресла-качалки не скрипят на верандах далеких утомленных домов. Смолк вой бродячих собак. Птичий писк. Даже простыни на веревках не зашуршат под жарким ветром. Правое запястье исполина так странно вывернуто, что тревожно, почему он не кричит от боли. Кровь на камне явно вытекла из него. Тишина длится, электризуется. Дуглас стряхивает чары и достает нож. Сталь лезвия дрожит. Вот она, кожа. Рука тянется.

Вдруг Сван Купер кашляет, потом хрипит. Шатаясь, он сперва поднимается на четвереньки, а затем умудряется сесть, держась онемевшими руками за голову. Пейзаж оживает. Природа выдохнула. Дуглас в один прыжок оказывается рядом с другом. Тот что-то говорит, возможно, рычит. Милли трудно сказать. Она слышит лишь, как лихорадочно бьется в горле ее растопыренное сердце. Адреналин всюду – в ней, вокруг. Она впервые в жизни осознает могущество своего тела, и это чудо. Она маленькая, худая, но ее инстинкты – целый лес. В ней раскинулись вековые деревья, вышли на охоту победоносные волки. Нужен лишь порыв. Подняв кулаки, Милли стоит и ждет ответного удара. Она готова к бою.

Однако враг сидит в замешательстве. Он удивлен, что нападавшим оказалась девчушка с мягким лицом, со щеками, как будто из ваты. Сван не смог бы объяснить, почему, несмотря на боль, проникшую всюду, вплоть до мочек ушей, в воздухе разлито что-то елейное. Он забывает про пистолет, который выпал у него из кармана и лежит невдалеке за камнями.

Вдруг, освобожденный от всего, Сван Купер улыбается девочке. Теплой полуулыбкой – такой деликатес он преподносит обычно одной лишь матери, в те дни, когда ей особенно плохо.

Мать... он не будет думать о ней. Он похоронит эти мысли под револьверными выстрелами, открытыми ранами.

– Ты мне руку сломала, – сообщает Сван медленно, из-за саднящей челюсти.

И сплевывает натекшую в рот кровь.

– И нос, – прибавляет Милли не думая.

Сван Купер смеется. Переливами, похожими на припев, который хочется подхватить. Несмотря на страх и горечь, Милли упивается этим деликатесом: держащимся за руки смехом.

Она ослабляет бдительность.

Дуглас подходит к ней. Он не понимает их дружеской беседы. С такими людьми не говорят: их опускают, толкают, запугивают, показывают, что им здесь не место. Это основа основ, извечная. «Иначе заржавеешь» – как сказал бы ему брат. И вот он держит перед собой нож, готовый ударить Милли, но Сван Купер вдруг поднимает здоровую безоружную руку. Дуглас замирает: приказ главного.

Сван Купер показывает пальцем на Алмаза с Тарексом, привычно оцепеневших.

– Братья, родной и двоюродный, – отвечает Милли, избавляя его от вопроса.

Сван кивает, потом долго разглядывает необычное явление: ноги в больших резиновых сапогах; расцарапанные колени; полосатые шорты едва выглядывают из-под длинной футболки в катышках, с гербом Бёрдтаунского лицея – как видно, наследство от брата; потом – шея не толще березовой ветки; густые прямые волосы неистойвой черноты, коротко и криво остриженные, совсем как и у тех двоих трусов; и картонная корона на голове.

Странное маленькое существо лет двенадцати.

Все это время Милли старается скрыть свое счастье. Никто никогда не смотрел на нее так, будто она – целый неведомый мир. До этого парня-доспеха она была дочерью и сестрой. И даже если хотела быть целым миром, все равно застревала в рамке привычного взгляда родных. Но скоро привычные глаза, смотревшие на нее с самого детства, увидят, на что она способна. Да, она может быть всем; ирисом и баобабом; ниндзей; великим открытием; золотом и королевой; барабанщицей и кумиром; театром теней; шелком и бумагой; львом и приключением. Милли станет тысячей сокровищ. И будет изобретать себя бесконечно. Но чтобы не растерять проснувшиеся в ней благодаря Свану возможности, она накрывает их крышкой и молчит. «Бесконечность, она моя».

Сван Купер улыбается шире, видя, как порозовели у девчушки скулы. Ему нравится ее бархатистая кожа цвета корицы. На минуту он исчезает в ее карих глазах, лукавых и мягких, с каймой густых черных ресниц, как у его матери. У его матери. Черт, он же поклялся не думать о ней сегодня! О ее усталости, бледности, о поездках в больницу и назад. Но он уже видит ее под одеялами, как она дрожит от холода на раскаленной веранде. Только кровь, много крови,

зальет эти белесые мысли. Сван кроет матом ясное небо, он вернулся к войне, подальше от стоящего перед ним явления. Дуглас присел рядом и осматривает сломанную руку.

– К врачу надо.

– Боль – в голове, – отвечает Сван Купер словами отца.

Сван пытается пошевелить пальцами, чтобы отогнать скомканные воспоминания. Катетер под желтоватой кожей. Таз у кровати. Он все гонит вон. Сосредотачивается на боли, колющей его нервы. Идет за ней до самого ее центра, где нет уже ни имен, ни лиц. Только тело, его собственное, разверстое. Но каждое движение цепляет за собой другие. Снова врывается мать. Ватными пальцами она борется с застежкой на джинсах. И рыдает всерьез, по-черному: «Докатилась. Сама одеться не могу. Добейте меня!» Сван Купер вздрагивает, но не сдается горю. Он выискивает слова надежды: одни зацепились за зеленые больничные стены, другие плывут в мерном скрипе кресла-качалки. «Девчонкой я валила лес. Я – топор, – говорит она под грушей в цвету, напрягая бицепсы. – Говорю тебе, я ничего не чувствую. Вот что значит быть вечной».

«Вранье», – бормочет он, шевеля сломанной рукой. Ему нужна битва, и немедленно: дробить черепа, чтобы забыть стоны и рвоту, настоящие страдания матери.

– Так вот как у вас, значит: маленькие девочки всю грязную работу делают? Хорошенький расклад! – глумится он, провоцируя.

Он теперь на ногах, и глаза тоже смотрят сверху вниз, с угрозой. Двоюродный брат, скукожившись, тут же прячется за спину Алмаза. Тот бросает на сестру братоубийственный взгляд и сует руки в карманы штанов. Милли знает, что он сжал их в кулаки. Их дед делает точно так же всякий раз, когда на его фургончике появляется оскорбительная надпись. Сколько их прячется под белыми перекрашенными боками? Сколько «грязных террористов» и «смерть Усаме»? И всегда одно и то же малодушие: счистить краску и забыть, а виновники тем временем смеются во сне. Милли проклинает дни, когда душишь в себе стыд, пытаешься сделать вид, что пятна краски на рукавах тебя веселят. Ей хочется рвать зубами, биться на мечах, но вместо этого – делишь с семьей вздохи и запах растворителя. Пальцы ныряют в перчатки. Новый слой краски ложится на остов их гордости. И все начинается сначала, и кулаки бессильно сжаты. Если б только они могли ударить что-то – скажем, чье-то лицо...

Сван Купер видит, что ошибся. Оба паренька стоят не шевелясь, как воткнутые в землю лопаты. За отсутствием соперника вся его злоба и жажда черепов оборачивается против него. Ведь не станет же он бить девчушку, тем более такую. Он подходит к ней.

– Ты королева чего? – спрашивает он.

Сван касается мятой короны и вдруг вдыхает знакомый запах летней пыли. Запах матери, которая стоит на коленях над растрескавшейся землей грядок и давит ногами клубнику и пауков. Он повторяет вопрос, громче и грубее, с досады на новый отголосок нежности.

Милли колеблется. Ей не нравится приказной тон. И потом, это личное, их с братом.

Первую корону Королевы приставал Алмаз подарил ей на десятилетие. В этот день он позвал ее вместе с местными мальчишками играть в бейсбол. Игра шла превосходно. Алмаз улыбался, Милли бегала быстрее парней. Она даже перехватила на лету мяч, пущенный одним надменно накачанным типом. Но стоило Долорес Гонзалес плюхнуться где-то вдали на садовый стул, Милли стала делать промах за промахом. Милли выбило из колеи то, как Долорес поглаживала позолоченную пластиковую корону, блестящую у нее в волосах. Вещица совсем ее заворожила. И как только медовые пальцы Долорес прикоснулись к ней, Милли видела, как на той появляются белые кораллы, сверкают золотистые чешуйки раковин. Ей даже показалось, что перламутровый жемчуг нанизывается на ее волосы и сложные слова выходят изо рта. Новые дарования. Милли твердо решила заполучить корону с единственной целью: стать гениальнее

Сая Янга². Во время девятого иннинга она ушла с поля прямо посреди атаки и села рядом с Долорес. Алмаз усмехнулся, когда та, не захотев расстаться с символом власти, бросилась бежать. Погоня длилась всего минуту: Долорес предпочла сломать свое сокровище, лишь бы не увидеть его на голове соперницы. Казалось, тут день рождения должен был кончиться, но это было только начало. Пока Милли представляла, как скормит Долорес острые пластмассовые обломки, Алмаз сказал ей: «Ты перехватила горячий мяч, и ты Королева пристава, тебе разве мало?» Алмаз совсем не шутил и весь остаток дня мастерил из картона корону, достойную Королевы бейсбола. Потому что понял важность короны. Чтобы Милли могла сказать Долорес Гонзалес то, что сам он мечтал прокричать братьям Адамс: «Вы ничуть не лучше меня, просто вам больше повезло!»

Когда наконец ближе к ужину Алмаз водрузил Милли на голову самодельную корону, не возникло ни жемчуга, ни новых талантов. Она просто почувствовала бурлящую силу той, кому десять лет и у кого есть старший брат. С тех пор она гордо носит ее на каникулах, и Алмаз тогда любит называть ее Верховной королевой зануд. Но Милли совсем не хочется рассказывать все это палачу. Уж точно не после выстрелов и мочи. Не надо было ей вообще с ним заговаривать. Только в неприятности их втянет. Надо было просто взять брата за руку и увести побыстрее. Сван Купер продолжает смотреть на нее с тем интересом, от которого все делается возможным и огромным.

– Если это секрет, можешь просто сказать, как тебя зовут, – предложил он.

Молчание.

– При такой силе у тебя должно быть имя.

– Милли, – произносит она наконец недоверчиво.

– Милли. «Королева Милли», как песня?

Она пожимает плечами. Сван Купер не объясняет. Несмотря на все старания, он не в силах заглушить любимый мамин мотив. Язык уже обвивают ее насвистывания. Ее каменистый голос напевает где-то здесь, у самой кромки памяти. Он снова видит ее волосы, похожие в свете молний на водоросли, один наушник ей, другой ему. CD-плеер между их смешливыми телами. «С тобой приходит дождь, со мною – дрожь», – поет она. Не сейчас! – приказывает Сван Купер. Ускользнуть – единственный выход. Он бросает последний взгляд на корону, криво улыбается и кивком велит Дугласу взять их вещи. Оба растворяются в поле, под косыми вечерними лучами.

Милли стоит не двигаясь, хотя готова поклясться: все-таки что-то движется. Что-то шевелится в закутках ее внутренностей. Переходный возраст, думает она с отвращением. В прошлом октябре, когда осень была еще зеленой, Алмаз попросил ее нарисовать, с чем он у нее ассоциируется, такое им дали в школе задание. «Только серьезно», – насутился он, когда увидел на бумаге осла. Милли вывела на том же листке прямой ствол без ветвей, с редкими короткими корнями. «Мертвое дерево», – проговорил он, пораженный безжизненным образом. «Нет! – возмутилась Милли. – Зимнее дерево». Алмаз не стал узнавать, в чем разница, и поспешил показать ей свой автопортрет: набросок змеиного гнезда. На вопрос Милли почему, он ответил: «Сама увидишь, быть подростком – оно так. Путано и мерзко, особенно поначалу». Сегодня слова брата раскрывают весь свой смысл – когда держишься обеими руками за неутихающий живот. Органы в нем ворочаются и говорят друг с другом.

Она не понимает их языка, но чувствует смятение. У нее не первый раз возникает это осеннее чувство. Подтверждение тому – плюшевые звери, которые с июня задыхаются в комоды в спальне. Брошенных друзей – как сухих листьев. Слишком просторными ночами она мечтает снова прижать их к груди. Но Тарек всем об этом разболтает. И так приходится жить с содранной корой, с новыми изгибами и складками, вроде двух бесполезных и зябких горок плоти у

² Питчер, звезда бейсбола начала XX века. – Здесь и далее – примечания автора.

нее под майкой. Милли отчаянно сопротивляется. Она спит на животе, чтобы разгладить бугры на груди, избегает других девчонок. Она видит, что те пересели с качелей на скамейки и шепчутся о всякой бледной ерунде вместо того, чтобы орать до красных щек. Зачем? Нет, правда, зачем отучаться сосать палец в грозу или отворачиваться от грязи, которая так годится для лепки? Нащупав в кармане запыленный леденец, Милли кричит: «Незачем!» Алмаз с Тареком оборачиваются, лица у них одинаковые – недовольные. Скорчив рожу, Милли дует на синюю конфету и разгрызает ее, скрепляя договор с собой. Зеркала не заменят ни стеклянных глаз броненосца, ни дуплистых дубов. В карманах у нее по-прежнему будет полно травяных свистулек и прыгучих шариков. Лучше в зарослях кактусов валяться, чем натягивать этот змеиный костюм!

Милли медлит еще секунду, на сей раз глядя на блестящий между камней пистолет.

Никто больше его не заметил.

«Потом», – решает она, потому что Алмаз уже ушел вперед. Сгорбившись, опустив голову, он несет рюкзак на вытянутых руках, ему так стыдно, что даже Милли становится больно за него. Вонь, надо сказать, невыносимая.

– Могло быть и похуже, Мамаз. Представь, если бы этот кретин заглянул в забегаловку к Мексиканцу в конце улицы. До сих пор бы тебя из буррито выколупывали, – шутит Тарек.

Милли сдерживает смех. Она не хочет еще раз унижать Алмаза, который несется вперед быстрее торопливых ласточек. Тощий, сгорбленный, он удаляется быстрым шагом. Тарек спешит за ним, его пухлое тело усердно колыхается.

– Что мрачный такой? Предпочел бы, чтобы он задом сдал? Надавил тебе шоколадной пасты? Чтобы...

– Да отвали ты, – отмахивается Алмаз, прыская со смеху.

Оба теперь делают вид, что не видят Милли, и она идет за ними поодаль. Живот у нее болит как в тот раз, когда она потеряла бабушкино обручальное кольцо. Она проверяет карманы: идеально квадратный камень, пачка жвачки «Биг ред», мелочь. Все на месте. И только в самой середине кишок чего-то недостает. «Королева Милли», – передразнивает она, – о какой это песне говорил Сван?»

На подступах к проволочной сетке, которой обнесена маленькая ферма Водовичей, Алмаз снова мрачнеет. Он резко разворачивается и наклоняется так, чтобы их с Мликой лица оказались на одном уровне. Он впивается сухим взглядом в глаза сестры. Хочет, чтобы она поняла, насколько он серьезен.

– Ты мне больше не сестра, – говорит он с пугающим спокойствием. – И это последний раз, когда я с тобой говорю.

В вырвавшихся словах столько яда, что Милли пошатывается. Алмаз снимает корону с ее головы. Она надеется, что он еще что-то скажет, но теперь ранить намерены его пальцы. Резким движением он рвет картон, затем сует обрывки в карманы шорт. Не глядя больше на сестру, он поднимается по лестнице на веранду, идущую вокруг дома. Снимает кроссовки, делает глубокий вдох и бесшумно закрывает за собой дверь с противомоскитной сеткой. Тарек стоит как вкопанный.

– Я только что понял одну важнейшую вещь, – вдруг говорит он очень серьезно.

– Какую?

– Без короны ты просто уродина.

И Тарек исчезает следом, не давая двоюродной сестре ответить. А в доме драться запрещено.

Если подумать, так, может, ей нужно просить у Алмаза прощения за то, что она встала на его защиту? Может быть... Ну нет, еще чего? «Уж лучше в гнездо гремучих змей свалиться», – объявляет Милли громким голосом. Да и потом, какой ей толк иметь брата, если брат – тряпка?

2

Около часу ночи Милли сбрасывает простыню ногами к железным прутьям своей старой детской кровати. Из-за занавески, тонкой, как крылышко насекомого, на нее веет покоем улицы. Даже деревья шелестят умиротворенно. Лучший антураж для ночной прогулки. Она нарочно легла одетой, так что осталось раздобыть обувь. Она замирает на секунду возле уютно урчащего вентилятора, на котором сушится рюкзак Алмаза, потом достает из-под подушки собственный. Осторожно перешагивает три половицы возле кровати Тарека, которые скрипят, как летучие мыши, и потихоньку открывает дверь. Ручка взвизгивает, будто крыса.

– Принеси мне молока, – вдруг бормочет Тарек.

– Мне не по пути.

Он бросает что-то, и оно приземляется на постель Алмаза. Пустую постель. Грязный разрыватель корон, где тебя носит?

В коридоре Милли прислушивается к каждому шороху. Что-то неразборчиво шепчет дед, уснувший на кресле в гостиной. Работает радио, которое мать, видимо, из-за усталости снова забыла выключить. Милли крадется на цыпочках и вдруг поскальзывается на чем-то густом и жидком. К счастью, она успевает схватиться за косяк кухонной двери. «Тарек!» – ворчит она сквозь зубы. Вечно он разливает свой чертов сладкий соус от чипсов. В темноте дохнуло ветром. Странно. Ноздри Милли улавливают запах разложения. Свет включить она не может, и потому принюхивается к темному пятну на полу, похожему на комок. Дохлая мышь? Вонь раздавленного животного. Она прикасается к липкой поверхности, и та вдруг раздувается и шевелится под ее пальцами, теперь тоже липкими. Милли отпрядывает на четвереньках, сердце у нее подпрыгивает. Она находит в рюкзаке фонарь и направляет луч на странный дряблый шарик, который словно вздыхает от усталости.

Луч выхватывает только цепочку муравьев, бегущих по плинтусу. Милли светит себе на ноги: они чистые и сухие. Если бы оно убежало, она бы почувяла. «Вы его видели?» – спрашивает она у муравьев. Ветер хлопнул задней дверью, едва державшейся на задвижке. В узкое окно Милли глядит на разбуженный сад и маленький открытый хлев. Курицы кудахчут, корова топчется на соломе. «Да что с вами? Здесь тоже была эта вонючка?» – спрашивает их Милли, воспользовавшаяся шумом, чтобы незаметно выйти. «Прекрасно, ведите себя так, будто меня и не было». Она быстро обегает веранду, держась рукой за перила и то и дело оглядываясь, – мало ли что. Но ни шарика, ни гнили. Когда она наконец добегает до главной двери, то видит Алмаза: он качается взад-вперед, как боксерская груша, висящая в гараже у соседей. К уху он замороженно прижимает маленькую книжку – так прижимают раковину, когда слушают эхо волн. Присутствия сестры Алмаз не замечает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.